

Реконцептуализация наследия В.Л. Цымбурского: политическая легитимация в условиях цифровизации международных отношений

Reconceptualization of the theoretical legacy of V.L. Tsymbursky: political legitimation in the context of digitalization of international relations

DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-66-86

УДК 327.8

Получено: 07.05.2021

Одобрено: 23.05.2021

Опубликовано: 25.06.2021

Федорченко С.Н.

канд. полит. наук, профессор кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета.

e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Fedorchenko S.N.

Candidate of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the faculty of History, Political Science and Law for Research, Moscow Region State University.

e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Аннотация

Целью статьи является реконцептуализация политологического наследия В.Л. Цымбурского в условиях цифровизации легитимации, международных отношений и геополитики. При этом под политологической реконцептуализацией изначально понималось уточнение, корректировка прежних политологических концептуальных схем в изменившихся условиях. В качестве базового *методологического* инструментария реконцептуализации в работе применялись принципы дискурс-анализа трех проанализированных массивов специализированной литературы (работ самого Цымбурского, исследований других авторов о работах Цымбурского, трудов в области легитимации и цифровизации) и Case Study современных фактов легитимации политических режимов в условиях цифровизации международных отношений. Проведенный анализ позволил условно разделить геополитические схемы политолога на «островные» и «циклические» схемы, а также выделить специфическую схему «факта-признания». Реконцептуализация схем «Остров Россия» и «Великий Лимитроф» определяется возможностью адаптации к анализу феномена цифрового суверенитета, связанного с закреплением «островных» признаков режимов в информационном пространстве и с условиями информационных войн режимов в лимитрофных странах. Определено, что схемы «Похищение Европы» и «сверхдлинные военные циклы» могут быть полезны при выявлении корреляций кризисов легитимирующих формул с конституционными циклами и циклами внешнеполитической активности режимов. Параллельно выяснено, что наиболее важный, зонтичный, междисциплинарный характер имеет именно схема «факта-признания». Она позволяет связать анализ цифровизации международных отношений, суверенитета с теорией легитимации. В качестве *выводов* обозначено, что цифровизация международных отношений привела к гипертрофированной роли внешней легитимации режима, «суверенитета признания» со стороны других режимов, ослабив значение «суверенитета факта» и снизив монополию внутренней легитимации.

Также обнаружено, что цифровизация международных отношений поколебала прежнюю монополию нисходящей политической легитимации. Факторы информационных, фейковых войн, вызовов цифровой дипломатии заставили элиты искать пути по налаживанию восходящей легитимации своих режимов, допуская элементы стратегии эмпауэрмента. *Теоретическая значимость* проведенной политологической реконцептуализации видится в серьезных перспективах адаптации геополитических схем Цымбурского к актуальному анализу современной цифровизации разных форм политической легитимации и международных отношений. По сути, реконцептуализация показывает, что процессы алгоритмизации власти, массовой цифровой аватаризации и встречной интерфейсизации политических режимов заставляют по-новому переосмыслить взаимосвязь международных отношений и режимной легитимации.

Ключевые слова: В.Л. Цымбурский, реконцептуализация, Великий Лимитроф, Остров Россия, концепт, цифровизация, легитимация, цифровая геополитика, международные отношения, политическая легитимация.

Abstract

The *aim* of the article is to reconceptualize the political science heritage of V.L. Tsymbursky in the context of digitalization of legitimation, international relations and geopolitics. At the same time, political science reconceptualization was originally understood as a refinement, adjustment of the previous political science conceptual schemes in the changed conditions. The principles of discourse analysis of three analyzed arrays of specialized literature (works of the Tsymbursky himself, studies of other authors on the works of Tsymbursky, works in the field of legitimation and digitalization) and Case Study of modern facts of legitimation of political regimes in the context of digitalization of international relations were used as a basic *methodological* toolkit for reconceptualization. The analysis made it possible to conditionally divide the geopolitical schemes of a political scientist into «island» and «cyclical» schemes, as well as highlight a specific scheme of «fact-recognition». Reconceptualization of the «Island of Russia» and «Great Limitroph» schemes is determined by the possibility of adapting to the analysis of the phenomenon of digital sovereignty associated with the consolidation of «island» features of regimes in the information space and the conditions of information wars of regimes in limitrophic countries. It has been determined that the schemes «Abduction of Europe» and «Extra-long military cycles» can be useful in identifying the correlations of crises of legitimizing formulas with constitutional cycles and cycles of foreign policy activity of the regimes. In parallel, it was found that the most important, umbrella, interdisciplinary nature is precisely the «fact-recognition» scheme. It allows you to link the analysis of digitalization of international relations, sovereignty with the theory of legitimation. As *conclusions*, it is indicated that the digitalization of international relations has led to an exaggerated role of external legitimation of the regime, «sovereignty of recognition» by other regimes, weakening the meaning of «sovereignty of fact» and reducing the monopoly of internal legitimation. The digitalization of international relations was also found to have shaken the former monopoly of top-down political legitimation. The factors of information, fake wars, challenges of digital diplomacy forced the elites to look for ways to establish an upward legitimation of their regimes, allowing elements of an empowerment strategy. The *theoretical significance* of the carried out political science reconceptualization is seen in the serious prospects for adapting Tsymbursky's geopolitical schemes to the actual analysis of modern digitalization of various forms of political legitimation and international relations. In fact, re-conceptualization shows that the processes of algorithmicization of power, mass digital avatarization and counter interfaceization of political regimes force us to rethink the relationship of international relations and regime legitimation in a new way.

Keywords: V.L. Tsymbursky, reconceptualization, limitrophe, Island of Russia, concept, digitalization, legitimation, digital geopolitics, international relations, political legitimation.

Введение

Политологическое знание постоянно пополняется, корректируется и эмпирически проверяется в зависимости от возникновения новых политических феноменов, процессов, а также благодаря обнаружению дополнительных закономерностей, подтверждению и опровержению рабочих гипотез. Это нормальное явление как для зарубежной, так и для отечественной науки. Игнорирование современных трендов и перегруппировки политических акторов создает риск того, что политическая наука может снизить потенциал своей аналитической и прогнозной составляющей. В этих условиях важной методологической миссией представляется не только концептуализация, но и реконцептуализация накопленного политологического знания.

Если под *политологической концептуализацией* можно понимать структурирование знания о политическом выявлении доступных для ученых интерпретаций аналитических схем и закономерностей о политических процессах и явлениях, а также обнаружение между последними различных взаимосвязей, то к *политологической реконцептуализации* логично отнести уточнение, корректировку прежних политологических концептуальных схем, перепроверку гипотез в изменившихся условиях (фиксация ранее малоизученных политических эффектов, процессов; складывание новых политологических школ и научных направлений; принципиальные изменения политических институтов под влиянием социально-экономических, культурных и технологических трансформаций и т.п.). Итогом реконцептуализации может быть переосмысление прежнего политологического концепта, его расширение, развитие, дополнение, перепроверка, критическая оценка при сохранении основных «концептуальных кирпичиков» – общих рабочих терминов и теоретического посыла, гипотезы. В любом случае реконцептуализация полностью не отвергает существующее концептуальное ядро, предполагая объективную и аргументированную критику и адаптируя прежнюю политологическую теорию к новым условиям.

Важно подчеркнуть, что в современной российской политологии недостаточное внимание уделяется концептуальному наследию Вадима Леонидовича Цымбурского – отечественного политолога, исследователя геополитики, политического философа, историка, лингвиста и филолога. О разносторонности научного творчества Вадима Леонидовича красноречиво свидетельствует факт того, что его работы касались вопросов политологии, истории Трои, гомероведения, этрускологии и хеттологии. Цымбурский оставил много трудов, посвященных геополитической, международной проблематике, содержащих довольно самобытные политологические схемы («Остров Россия», «Великий Лимитроф», «Похищение Европы», «факт-признание», «сверхдлинные военные циклы» и др.). Перечисленные схемы обладают серьезным исследовательским потенциалом, однако основной проблемой является практически полное отсутствие попыток их адаптации к современным трендам цифровизации международных отношений, геополитики и политической легитимации. По этой причине целью настоящей работы будет реконцептуализация политологического наследия В.Л. Цымбурского в условиях цифровизации легитимации, международных отношений и геополитики.

Методологическая оптика работ Цымбурского связана с цивилизационным подходом, критическим анализом разнообразных геополитических теорий. Важно не только проверить аналитический потенциал концептуальных схем российского политолога, но и адаптировать их к изучению таких явлений, как цифровизация политики, геополитики, информационные войны, цифровой суверенитет [6] и т.п.

Предпринимаемая попытка реконцептуализации наследия В.Л. Цымбурского будет, в первую очередь, связана с переосмыслением феномена легитимации политических режимов. Особенный упор предполагается сделать именно на анализе так называемой внешней политической легитимации режимов, испытывающей важные цифровые трансформации. И важно подчеркнуть, что реконцептуализация затронет именно существующие теоретические построения в области теории политической легитимации и легитимности.

Обзор научной литературы

Работы, которые могут помочь в реконцептуализации политологического наследия В.Л. Цымбурского, можно условно разделить на три группы. Во-первых, это непосредственно сами труды Вадима Леонидовича Цымбурского. К примеру, издание «Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика» включает работы автора разных лет, в которых он делает попытки концептуализации своей схемы «Великого Лимитрофа» [36]. Книга «Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования» не только является сборником авторских трудов, но и представляет собой важное переосмысление своих тезисов самим Цымбурским. Особенно она интересна в плане авторского обобщения схемы «Остров Россия», а также развития схемы «факта-признания» и тезиса «the West against the Rest» [37].

Во-вторых, уже есть исследования разных авторов о работах самого В.Ц. Цымбурского. Среди них стоит назвать аналитику Б.В. Межуева, статьи С.В. Хатунцева, М.В. Ильина, А.П. Цыганкова, Н.М. Межевича, В.А. Шамахова, И.Л. Морозова и И.М. Щербакова. Так, Межуев в книге «Политическая критика Вадима Цымбурского» отслеживает развитие идей политолога от «имперского либерализма» (тезис о возникновении имперской идеи на основе русского европеизма) к схеме «Остров Россия» (хотя поздние идеи ученого сместились от геополитики в сторону хронополитики), обращает внимание на его схему внешнего признания позднесоветского государства со стороны Запада. Разбирает отличие западного «суверенитета признания» (зависимого от внешнеполитических акторов) от советского «суверенитета факта», связанного с рисками фактического признания власти внутри страны и сепаратизма [19]. Действительно, поздние идеи Цымбурского касались поэтики политики и пересмотра теории суверенитета. Такое наблюдение Межуева чрезвычайно важно для назревшего в современной политической науке пересмотра концепта легитимации власти, когда в условиях цифровизации и развития социальных сетей важно не только продолжать исследования о технологиях внутренней легитимации, но и переходить к анализу внешней легитимации, зависящей от других политических режимов, их коалиций и международных организаций. Недаром у Цымбурского есть ссылки на Г. Киссинджера. Работы американского международника, действительно, ставят вопрос о внешней легитимации режимов [11]. Однако политологическое творчество Цымбурского учитывало не только работы Киссинджера, но и предполагало увлечение рецепцией античной политической истории, средиземноморского миропорядка в предлагаемых геополитических моделях. Особенно пронизательны в этом смысле замечания Межуева об идеях Цымбурского по поводу «внешнего пролетариата», разрушающего установленный миропорядок. Тогда как схему «факта-признания» Цымбурского можно определить «зонтичной», сцепляющей все его остальные схемы не только проблематикой суверенитета, но и актуализацией постсоветских политических трансформаций [32].

По мнению Межуева, отказ от «имперского либерализма» у Цымбурского произошел по причине утраты им доверия к евро-атлантической цивилизации и ее миропорядку. Вместе с тем, Межуев согласен не со всеми тезисами Цымбурского. Он, например, не видит необходимости в выделении некоего избранничества, «сакральной вертикали», влияющих на судьбы страны, сомневается в том, что «Россия считала себя особым человечеством». При этом Межуев пишет об эволюции концептуальной схемы «Остров Россия», когда к ней добавляются тезисы М.В. Ильина о «шельфах острова» [20], интересные уточнения по поводу динамичной «геополитики границ» и относительно устоявшейся «геополитики пространств». Межуев предполагает, что Цымбурский допускал в критических ситуациях воссоединение Российской Федерации с областями ее «шельфа» (части Лимитрофа, особо исторически или территориально связанные с российскими территориями). В целом, Межуев определяет политическое творчество Цымбурского «цивилизационным реализмом», когда Россия и Евроатлантический ареал признаются разными цивилизациями со своими геополитическими орбитами.

С.В. Хатунцев пишет, что о схеме «Остров Россия» у ряда авторов сложилось некорректное впечатление, как о некой декларации изоляционизма страны [18]. По его мнению, наоборот, Цымбурский пытался создать оригинальную систему цивилизационной геополитики, скептически относясь к евразийству Л.Н. Гумилева, П.Н. Савицкого, изоляционизму и догматизации модели «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона [29]. Цымбурский не принимал схему «России-Евразии» Савицкого, как версию теории «хартленда» Маккиндера. «Остров Россия» – довольно самобытная политологическая система, которой по истине может гордиться современное отечественное политологическое сообщество [31]. Согласно ей, Россия – это в некотором смысле «гигантский остров внутри континента», отгороженный от других цивилизационных ареалов (параевропейских, восточных) особыми «территориями-проливами» (strait-territories). В этой схеме наша страна обладает несколькими геополитическими признаками: а) является некой целостной геополитической нишей русского народа; б) имеет обширные и трудные для освоения пространства; в) отдалена от романо-германской Европы поясом народов, проживающих на тех самых strait-territories. При этом российская политика обладает серьезной спецификой на западных, южных и других «проливах». Интересно, что Цымбурский позже скорректировал свой концепт, решив использовать в своих исследованиях вместо «проливов» термин Хатунцева «лимитроф». В понимании Цымбурского Великий Лимитроф – это целый пояс от Восточной Европы, Закавказья до российско-китайской границы, окружающий нашу страну [36, с. 13]. Вместе с тем, Хатунцев замечает, что нельзя относить все подобные территории к лимитрофной зоне, так как ряд из них обладают лишь признаками «лимбовых пространств» – второстепенными чертами промежуточности [29]. И, действительно, немного позже Цымбурский ввел дефиницию «лимесных» областей – неустойчивых цивилизационных окраин.

В своей статье российский политолог М.В. Ильин важное внимание уделяет тезису Цымбурского о бинарности систем – взаимоотношениях «цивилизации-спутника» и «цивилизации-хозяина». Хотя по некоторым пунктам Ильин расходился с автором, предпочитая не агентный, а структурный подход, считая, в отличие от него, что существующий научный дискурс лишь только свидетельствует о складывании геополитики как научной дисциплины [8]. Цымбурский считал, что России нужно стремиться не включать в свой состав государства из Великого Лимитрофа. Другими словами, писал о значении «цивилизационного сосредоточения» нашей страны. По мнению А.П. Цыганкова, Цымбурский принципиально расходился с хантингтоновской схемой сотрудничества Запада и России против восточных цивилизаций. Ответом Цымбурского на геополитические вызовы был не конфликт с мусульманским и конфуцианским мирами, а именно дальнейшая интеграция российской цивилизации, практика гибких союзов с другими странами, воздержание от «имперского расширения». Уязвимой чертой схемы Лимитрофа, согласно позиции Цыганкова, является идея сохранения независимости лимитрофных пространств от внешнеполитических поглощений [30]. Конечно, современный углубившийся конфликт между Западом (Евро-Атлантикой) и Россией говорит в пользу этого тезиса Цыганкова – лимитрофные территории поглощаются и исчезают. Тем не менее это вовсе не означает, что схема Цымбурского полностью неверна в цифровом отношении – информационное противоборство продолжается до сих пор, – но уже не в реальном, а в киберпространстве. Вдобавок никто не отменял изменение политической конъюнктуры, внутривнутриполитический кризис Западной цивилизации и попытки реванша за лимитрофные территории в будущем.

Пока в отечественной политической науке недостаточно актуализирована схема «сверхдлинных военных циклов» Цымбурского, предположившего, что депрессивные циклы (от политических игр до политического пата) сменяются экспансивными циклами, подразумевающими мобилизацию, войны на границах цикла и интермедию [33]. И.О. Морозов, анализируя его схему, полагает, что по причине обесценивания в ближайшем будущем ядерного оружия как сдерживающего фактора произойдет досрочное завершение «депрессивного» сверхдлинного цикла и переход к «экспансивному» сверхдлинному циклу с

милитаризацией общественного сознания конфликтующих стран, актуализацией агрессивных идеологий и попытками геополитического передела международного порядка (так, на встрече российского президента В. Путина и американского президента Дж. Байдена в июне 2021 г. обсуждались не только нюансы ядерного вооружения и продления СНВ-3, но и вопросы кибербезопасности, кибератак). В качестве признаков перехода к «экспансивному» циклу Морозов видит развитие кибернетического оружия, практику «гибридных войн» (затрагивающую информационно-культурную область), научно-техническое соперничество, разработку вооружений на основе технологий искусственного интеллекта, роботизацию систем вооружений, появление высокоточных вооружений на орбите и т.п. [22]. Как видно, Морозов в своей статье затрагивает довольно разнообразные аспекты цифровизации международных отношений и геополитики, что чрезвычайно важно для гибкой реконцептуализации наследия Цымбурского.

Идея цикличности – специфическая черта хронополитической концептуализации Цымбурского, учитывающей процессы стадиальных и временных конъюнктур и принцип неоднородности политического времени [35]. С цикличностью связана его концептуальная схема «Похищения Европы»: помимо сверхдлинных военных циклов ученый выделял «европохитительские» циклы, когда Россия попадает в мощную сферу притяжения цивилизации Запада. По завершении такого цикла Россия переходит в «евразийскую интермедию», когда она, будучи отброшенной от Европы, старается в обход воздействовать на евро-атлантическую (мировую) политику [34] (что было в политической истории Российской империи и Советского Союза). Естественно, такая циклическая схема не является некой догмой, а, скорее, по-новому заостряет рецепцию прежних геополитических процессов и дает российской политической элите серьезный повод для размышления о соотношении своей внутривнутриполитической стратегии с российской внешней политикой на просторах ЕАЭС [38].

В-третьих, выбранная ориентация на изучение цифровой трансформации политической легитимации заставляет обратиться к дополнительному массиву исследований. Так, если политическая легитимность – это согласие граждан и представителей властной элиты в том, что действующие политические институты наиболее эффективные, справедливые, то под политической легитимацией логично понимать процесс достижения этой легитимности конкретного политического режима, обеспечиваемой теми или иными технологиями. Существует целый корпус работ, посвященных политической легитимности (начиная от М. Вебера, по этой проблеме писали многие российские и зарубежные авторы – К. Шмитт, С. Липсет, М. Доган, Ж.-Л. Шабо, А.А. Керимов и др.), но гораздо меньший объем исследований касается механизмов и технологий ее достижения и воспроизводства – политической легитимации (Д. Битем, П. Бергер, Т. Лукман, О.Ю. Бойцова, К.Ф. Завершинский, А.В. Скиперских и др. [3; 26; 40]). Первый серьезный шаг в этом направлении сделал Ю. Хабермас, затронув аспект легитимационных кризисов [28], К. фон Гальденванг продолжил эти исследования отличий легитимности и легитимации, дополнительно аргументировав цикличность такого рода кризисов [43]. Возможно, хорошей аналитической перспективой реконцептуализации здесь обладает именно механизм цикличности, который может связать внешнеполитические схемы «Похищения Европы», «сверхдлинных военных циклов» Цымбурского с внутривнутриполитическими легитимационными кризисами. Определенным «методологическим мостом» между исследованиями Хабермаса, Гальденванга и Цымбурского видятся, прежде всего, глубокие идеи и развернутые тезисы российского политолога А.Н. Медушевского о противоречиях легитимирующей формулы и содержания конкретного политического режима [16, с. 473].

Между тем, последние тренды красноречиво свидетельствуют, что высокие темпы цифровизации, во многом грубо спровоцированные пандемией COVID-19, начинают оказывать влияние на трансформацию международных отношений и геополитических процессов. Ранее известные в узком кругу специалистов феномены киберполитики, информационных войн, цифровой дипломатии, цифрового суверенитета обрели свою

широкую популярность в массах. Исследователи стали писать о медиалегитимации власти (Д.В. Березняков, А.И. Вертешин, Н.Ф. Пономарев), проблеме влияния цифровых корпораций, интернет-коммуникаций, информационного империализма на глобальные политические процессы (М. Кастельс, Е. Морозов, Дж. Кин, Г. Ловинк, Дж. Дин, О. Бойд-Барретт, Л. Манович, С. Маккуайр, А.Ю. Быков, С.В. Володенков, Д.С. Жуков, Н. Срничек и др.) [3; 5; 6; 10; 21; 44].

Сейчас же актуальной проблемой становится исследование зависимости механизма легитимации и делегитимации политических режимов от цифровизации, воздействия последней на фундаментальную трансформацию политических отношений. Отсюда важной задачей реконцептуализации политологического творчества В.Л. Цымбурского представляется переосмысление его концептуальных схем – «Остров Россия», «факт-признание», «Похищение Европы», «сверхдлинные военные циклы» и др. – через призму современных политологических разработок в области информационных войн, цифровых факторов внешней и внутренней легитимации и делегитимации, а также цифрового суверенитета.

Методологическая оптика

Основным подходом работы является политологическая реконцептуализация теоретического наследия В.Л. Цымбурского. В качестве основных методик реконцептуализации в работе будут применены принципы дискурс-анализа трех обозначенных массивов специализированной литературы и Case Study современных фактов легитимации политических режимов в условиях цифровизации международных отношений. Методологическая процедура будет предполагать анализ политологического наследия российского ученого, его классификацию и, наконец, адаптацию под задачи актуального анализа современных процессов цифровизации международных отношений. Такая простая методологическая оптика позволит провести реконцептуализацию политологического наследия В.Л. Цымбурского, чтобы сформировать гибкую аналитическую схему, учитывающую последние тренды в области проникновения информационных технологий в область политического.

Также при обращении к электронной наукометрической библиотеке elibrary.ru были определены наиболее цитируемые статьи автора, опубликованные им в журнале «Политические исследования» с 1993 по 1997 г. Из них были отобраны те, которые наилучшим образом подходили для политологической реконцептуализации [31; 32; 33; 34; 35].

Результаты анализа

Исследование работ В.Л. Цымбурского позволило выявить ряд концептуальных схем, которые заслуживают адаптации к современным процессам, связанным с цифровизацией геополитики, международных отношений и режимной легитимации (см. табл.). Основной специфической чертой всех выявленных концептуальных схем является их многофункциональность: эти схемы имеют не только аналитическую, но и прикладную нагрузку, содержат конкретные предложения для элиты по корректировке российской геополитической стратегии.

Таблица

Адаптация политологического наследия В.Л. Цымбурского к цифровизации режимной легитимации и международных отношений

Концептуальная схема	Элементы схемы (тезисы и рекомендации)	Адаптация к анализу цифровизации политики
<i>Остров Россия</i>	- Россия – это «остров» посреди континента, отделяемый от других цивилизационных платформ	Цифровизация международных отношений подразумевает усиление такого фактора, как цифровые

	<p>Великим Лимитрофом;</p> <ul style="list-style-type: none"> - Россию некорректно отождествлять с Евразией в строгом смысле; - «островное сознание» способствует как мессианским претензиям, так и сменяющим их изоляционистским установкам; - необходима ставка на консолидацию и развитие российского цивилизационного ядра; - требуется «островная политика» с поддержанием спокойствия в странах Лимитрофа, наведением «мостов»-связей в обход конфликтных очагов; - предлагается перенос столицы в «урало-сибирскую Срединную Россию»; - для России важно разделять «геополитику пространств» (геополитическая ниша страны в принципе коррелирует с ее интересами) и «геополитику границ» (важно учитывать динамику на своем «шельфе») 	<p>корпорации (Google, Apple, Facebook и др.), берущих под свой контроль коммуникационные технологии и разрушающие традиционный суверенитет. Цифровой суверенитет России, как и любого другого современного политического режима, означает адекватный ответ на цифровизацию международных отношений. Наиболее результативен тот цифровой суверенитет, который включает «островные признаки» внешней и внутренней политики:</p> <ul style="list-style-type: none"> - информационная политика страны независима от внешних факторов (наличие киберподразделений, национальных информационных систем, платформ); - существующие политические институты способны формировать условия для бизнеса, создающего алгоритмы, социальные сети, программное обеспечение, коммуникационные площадки, независимые от зарубежных и транснациональных акторов; - система образования способна готовить кадры IT-специалистов, востребованных на внутреннем рынке; - национальные цифровые платформы поддерживают не только нисходящую легитимацию (технологии управления политической повесткой, массовым сознанием), больше связанную с институтом главы государства и исполнительными органами власти, но и восходящую легитимацию (стратегия эмпауэрмента, признание
--	--	--

		<p>власти в ходе расширения практик политического участия), связанную с институтом парламентаризма, традицией обсуждения гражданами политических вопросов и демократией;</p> <ul style="list-style-type: none"> - цифровизация сохраняет такие элементы «островного сознания» как уважение к традиционным ценностям и цивилизационной специфике страны; - одностороннее «цифровое отгораживание» режима от всего мира создает риски построения цифрового тоталитаризма
<p><i>Великий Лимитроф</i></p>	<p>- Великий Лимитроф – это широкий междивизиационный пояс относительной безопасности, окружающий «островную» Россию от Восточной Европы до ее границы с Китаем;</p> <ul style="list-style-type: none"> - цивилизационных «разломов» С. Хантингтона не существует, вместо них есть разные виды междивизиационных пространств, поэтому хантингтоновский проект минимизации международных конфликтов путем разделения Евразии на конкретные цивилизационные зоны нереален; - «острову» важно недопущение главенства Запада в Великом Лимитрофе и избегание присоединения лимитрофных территорий к себе; - Великий Лимитроф состоит из «шельфов», территориально и исторически связанных с разными цивилизационными платформами, в том числе и 	<p>Цифровая дипломатия становится важным фактором ориентации режима на существование в соседних лимитрофных странах альтернативных интерпретаций и оценок политических процессов. Для эффективной цифровой дипломатии в лимитрофных странах важно:</p> <ul style="list-style-type: none"> - противодействовать монополизации медийных рынков транснациональными корпорациями и компаниями из одной страны; - стараться уходить от тактик провоцирования информационных войн из-за «лимесных» областей и «шельфов»; - иметь разнообразные сетевые ресурсы для противодействия информационной войне из-за проблем лимитрофных государств; - информационно поддерживать дружественные по отношению к России режимы во избежание их внешней и внутренней делегитимации

	«Островом Россия»; - Лимитроф включает и «лимесные» области – неустойчивые цивилизационные окраины	
<i>Факт-признание</i>	<p>- «суверенитет факта» возникает тогда, когда действия самой власти (в том числе и внутри страны) способствуют внешнему ее признанию;</p> <p>- «суверенитет признания» появляется в той ситуации, когда власть признается только неподконтрольными ей внешними акторами</p>	<p>В условиях цифровизации легитимность политического режима зависит от информационного сопровождения внутренней и внешней легитимации. Внутренняя легитимация предполагает контроль над внутривнутриполитической повесткой дня и связана с признанием режима населением в самой стране. Внешняя легитимация включает информационную составляющую признания режима со стороны влиятельных политических режимов и международного сообщества. Легитимационный механизм факта-признания в условиях цифровизации допускает:</p> <ul style="list-style-type: none"> - дополнительную внешнюю легитимацию со стороны международных и зарубежных акторов; - риски непризнания со стороны внешнеполитических сил; - угрозу эффекта наложения внешней и внутренней делегитимации (совпадение антирежимной оппозиционной и зарубежной повесток может привести к легитимационному кризису)
<i>Похищение Европы</i>	<p>- «европохищательские циклы» геополитической активности России проявляются в том, что она попадает в мощную сферу притяжения цивилизации Европы, Запада;</p> <p>- «евразийские интермедии» геополитической активности России сменяют «европохищение», когда</p>	<p>Циклы кризиса легитимирующих формул политических режимов зависят от способности национальной элиты противостоять внешнему информационному, а также и ценностному воздействию извне (особенно Запада). «Европохищательские циклы» связаны с кризисом прежней</p>

	<p>страна, будучи отброшенной от Европы, старается влиять на евроатлантическую (мировую) политику иными путями</p>	<p>легитимирующей формулы и курсом элиты на открытость западным ценностям и информационному влиянию. «Евразийские интермедии» происходят из-за обострения противоречий и информационных войн российской элиты с Западом. В ходе этих интермедий национальная элита отказывается от внешней легитимации своего режима</p>
<p><i>Сверхдлинные военные циклы</i></p>	<p>- с XIV в. Запад проходит 150-летние, сверхдлинные военные «депрессивные» и «экспансивные» циклы, связанные с трансформацией его внутренней биполярной цивилизационной сущности; - начиная с Ялтинской системы, Запад больше приобретает внешнюю биполярную цивилизационную сущность, выступая против «иного» – the West against the Rest; - страны, утрачивающие функцию элемента биполярной конфликтной системы, могут перейти в разряд приграничных, нефункциональных «швов».</p>	<p>Рост влияния цифровых корпораций и развитие тенденции the West against the Rest привели в современных условиях к формированию нового милитаризма и феномена цифровой империи, нарушающей суверенитеты разных стран. Признаки цифровой империи: - наличие метрополии в США (где располагаются большинство глобальных цифровых корпораций); - вмешательство в информационную сферу независимых режимов; - навязывание внешней легитимации для большинства режимов как основной легитимирующей модели; - ведение с рядом режимов информационных войн, создание из них «образа врага».</p>

Во-первых, изучение работ Цымбурского позволяет выделить особые «островные» геополитические схемы – «Остров Россия» и «Великий Лимитроф» (выделены зеленым цветом в табл.), которых, с одной стороны, очень сложно отделить друг от друга и, с другой стороны, характеризует определенный аналитический колорит. Эти теоретические сюжеты могут стать хорошей основой для анализа феномена цифрового суверенитета современной России и формирования «цивилизационной конфликтологии», основанной как на аксиологических, так и на коммуникационных принципах изучения геополитических процессов. Некоторыми перспективами может обладать и разработка эффективных техник цифровой дипломатии как со странами на территории Великого Лимитрофа, так и со странами Запада и государствами других цивилизационных ареалов (латиноамериканского, конфуцианского, африканского и др.). Одновременно важно понимать, что страны Великого Лимитрофа неравны в своем ценностно-цивилизационном отношении, следовательно, цифровая дипломатия России, как гибридный вариант «умной» и «мягкой силы», должна

учитывать и этот фактор. Цифровая дипломатия, к примеру, в отношении Литвы и Казахстана, должна качественно и ценностно отличаться в плане политического контента, приоритетов повестки и целеполагания. Помимо этого, важно присмотреться к другим «цивилизационным островам», их тактикам и стратегиям цифровой дипломатии с окружающими лимитрофными поясами (в некотором плане «островными» признаками могут обладать политические режимы Бразилии, Китая и других стран).

Во-вторых, среди теоретических конструкций российского политолога логично выявить «циклические» геополитические схемы – «Похищение Европы» и «сверхдлинные военные циклы» (выделены оранжевым цветом в табл.). Общей чертой этих двух схем является механизм цикличности, отмеченный ученым. Данный механизм стратегически важен для выявления определенных политических закономерностей, не исчезающих и в сегодняшнюю эпоху цифровизации. Задача современного политолога – своевременно проводить глубокую деконструкцию информационных фонов и напластований реальных политических и геополитических процессов, отделяя фейки, киберсимулякры и проявления таргетированной микропропаганды от существующих каузальных механизмов киберполитики, информационных войн и цифровой суверенизации. Хронополитические особенности обнаруженных Цымбурским «европохитительских» и «сверхдлинных» циклов обуславливают хороший запрос на проведение в ближайшем будущем междисциплинарных исследований, которые сделают предметом своего анализа симбиоз сохраняющихся цивилизационных матриц и новых цифровых технологий легитимации современных политических режимов.

В-третьих, схема, условно обозначенная как «факт-признание», имеет наилучший аналитический потенциал с точки зрения реконцептуализации существующих моделей политической легитимации и легитимности через призму цифровизации международных отношений, что важно более подробно пояснить в последующей части статьи.

Интерпретация и дискуссия

Полученные результаты реконцептуализации позволяют акцентировать наше внимание на трансформации механизма легитимации политических режимов в условиях цифровизации международных отношений. Из-за форсированной цифровизации, спровоцированной пандемией COVID-19, усилились новые акторы, воздействующие на геополитические процессы и международную политику. В первую очередь, цифровые корпорации не только приобрели наднациональный характер, но и становятся монополистом в роли посредника между государством и обществом (о чем-то похожем писал в своей «Постдемократии» К. Крауч), контролируя само право на коммуникацию и оттесняя от этой роли прежних посредников – политические партии и политические движения. Цифровизация международных отношений переплетена с феноменом алгоритмизации власти – трансформации властных механизмов в сторону распространения цифровых практик контроля индивидов (за счет навязывания алгоритмов, интерфейсов, софта, информационных индикаторов и рейтинговых систем, предлагающих человеку определенные варианты действий или решений). Алгоритмизация власти в определенном смысле не является чем-то принципиально новым, а лишь расширяет возможности дисциплинарных механизмов, о которых писал М. Фуко [27], в эпоху цифровизации политической сферы.

Стремительное развитие цифровых корпораций и их коммуникационных платформ вызвало процесс масштабной цифровой аватаризации – массового распространения цифровых аватаров у граждан (регируемых аккаунтов, персональных виртуальных кабинетов), без которых индивид уже не может полноценно реализовать свое право на коммуникацию. Аватаризация привела к встречным процессам в международном плане. С одной стороны, наметилась тенденция для складывания настоящей цифровой империи с метрополией в США и империалистическими амбициями (стратегией на создание зависимых и колониальных информационных систем формально независимых политических режимов).

Информационный империализм хорошо виден в специфическом подходе американской политической элиты к Интернету, на которые обращает внимание Е. Морозов: если дипломаты Соединенных Штатов ратуют за независимость интернет-коммуникаций, то их коллеги из армии и спецслужб придерживаются совершенно другой позиции [21, с. 275]. Власть такой необычной империи, прежде всего, является следствием тренда *the West against the Rest* и проявляется в попытках контролирования повестки в других странах посредством алгоритмов, программного обеспечения и IT-технологий. Такого рода алгоритмизация международных отношений означает приоритет внешней легитимации большинства современных режимов со стороны метрополии цифровой империи. Это может проявляться в синхронизации политических повесток, оценок действий враждебных цифровой империи режимов.

С другой стороны, политические режимы, нацеленные на сохранение своей независимости, не просто предпочитают внутреннюю легитимацию, но и формируют свои сетевые полисы – национальные зоны Интернета, включающие независимые от цифровой империи и других режимов коммуникационные арены участия. Сетевые полисы подчиняются режимам за счет создания политического интерфейса – совокупности алгоритмов, программного оборудования и коллективных цифровых ритуалов (распространенных среди пользователей и поощряемых режимом коммуникационных практик), не исключая элементы цензуры. Процесс интерфейсизации приводит к контролю сетевого полиса режима, его коммуникационного «Острова» и закладывает основы для цифрового суверенитета. Это определяет важные потенциалы реконцептуализации такой схемы Цымбурского, как «Остров Россия». В настоящее время эта схема становится еще более актуальной из-за ужесточившегося информационного противостояния российского режима со странами Запада после «Евромайдана».

Скорее, западными политиками использовалась все та же «доктрина Гугла», согласно которой интернет-коммуникации должны спровоцировать недовольство против режима, пробить его «киберстены» и спровоцировать демократизацию. Хотя Е. Морозов считает терминологию «киберстен» в корне неверной, обращая внимание на то, что большую роль в сетевой легитимации режимов в России, Китае и Иране играет институционализация блогинга с возросшей ролью проправительственных блогов, поддерживающих власти во внешней политике [31, с. 31, 45-77, 127-137]. Западная «доктрина Гугла» лишь усилила «островные» черты российского, китайского, иранского и других политических режимов. В чем это конкретно проявилось? Во-первых, такая «цифровая конкиста» Запада спровоцировала различные тактики эскалации [23, с. 98-103] в электоральных и консолидированных (закрытых) автократиях. Конкиста проявлялась в растущем доминировании западных цифровых корпораций, их софта и алгоритмов, а стало быть, и в стереотипах, паттернах, ценностной повестке, навязываемых такой цифровой конкистой. «Доктрина Гугла» лишь закрепила приемы чрезвычайного положения во внутренней и внешней информационной политике цивилизационно иных режимов. Запад дал повод для формирования из себя «образа врага» в политической повестке не доверяющим его цифровой конкисте странам. Во-вторых, в ответ на либерально-демократическую «доктрину Гугла» часть режимов выбрали путь контролирования национального сегмента Интернета. Так, в Китае появились не только файрволы, но и софт (например, *Green Dam*), изучающий поведение интернет-пользователей и пресекающий их деятельность, расценивающуюся, как антигосударственную. Если фактом сетевого полиса является развитие собственных национальных (российских, китайских и иранских) социальных сетей, то признаком политического интерфейса – внедрение национального софта в местные информационные экосистемы.

Информационные войны между государствами [25], а также между цифровой империей и ее соперниками обострились в том числе и из-за политической ситуации, складывающейся в лимитрофных государствах. В основном происходит борьба разных режимов за массовое сознание жителей таких лимитрофных государств. Цифровизация глобальных политических

процессов специфична и тем, что, в отличие от предыдущих исторических эпох, возросло значение внешней легитимации. Зарубежные и транснациональные акторы теперь имеют разноплановые сетевые каналы прямой апелляции к группам граждан и политической оппозиции в обход традиционных политических институтов и политической элиты конкретной страны. Если рассуждать в рамках схемы «факта-признания» Цымбурского, то можно сказать, что цифровизация геополитических процессов спровоцировала ослабление «суверенитета факта», усилив роль «суверенитета признания». При этом для политических режимов со слабым цифровым суверенитетом особенно обострились риски наложения внешней и внутренней делегитимации.

Цымбурский не отрицал, что схема Великого Лимитрофа применима не только к России, но и к другим режимам, имеющим цивилизационную специфику. Тем самым можно предположить, что, пройдя пик глобализации, в том числе и цифровой, некоторые политические режимы начинают приобретать «островные» признаки в информационном поле, уделяя первостепенную значимость вопросам цифрового суверенитета, своего независимого сетевого полиса и встроенного в него политического интерфейса. Но цифровой суверенитет – не единственная забота современных режимов. Отныне объектом их информационной активности становятся, в первую очередь, приграничные, лимитрофные страны. По этой причине цифровой суверенитет лимитрофных государств (страны Прибалтики, Восточной Европы, ряд стран Латинской Америки) наиболее уязвим и вынужден учитывать роль «суверенитета признания», а не «суверенитета факта». Приоритет последнего могут себе позволить лишь более независимые в информационном плане режимы (США, Китай и др.).

Как справедливо пишет А.Н. Медушевский, России в прошлом был характерен конфликт двух типов легитимности, а именно легитимности законодательных и исполнительных органов власти. Обычно этот конфликт разрешался в пользу исполнительной власти и усиления авторитарных черт режима [17, с. 40]. Когда целостность механизма внутренней легитимации восстанавливалась и находилась новая легитимирующая формула, режим стабилизировался. Однако фактор цифровизации вносит существенные изменения в этот механизм – возникает серьезная роль внешней легитимации в виде информационного давления и цифровой активности со стороны других политических режимов. Например, группа стран может не признать прошедшие выборы в стране и тем самым запустить процесс делегитимации политического режима. Циклический характер современных политических процессов, сменяемость централизации и децентрализации режимов [13], эффект наложения внешней и внутренней делегитимации в условиях отсутствия сетевого полиса, политического интерфейса, обеспечивающих цифровой суверенитет страны, могут усилить риски, связанные с циклическостью легитимационных кризисов [28; 43]. Вместе с тем важно признать, что роль длинных и более кратких циклов в смене легитимирующих формул еще недостаточно изучена. Вполне возможно, что внутривластные циклы российского режима (кризисы легитимности, конституционные кризисы) запускают механизм циклическости «европохитительских» циклов внешнеполитической активности страны.

Цифровизация международных отношений привела к тому, что современной элите уже недостаточно ограничиваться лишь нисходящей легитимацией своего режима с прежним набором традиционных технологий управления массовым сознанием. В ходе распространения социальных сетей возникла борьба за контроль над политической повесткой дня, что определило запрос на восходящую легитимацию режимов на основе стратегии эмпауэрмента – создания элитой условий для активного вовлечения граждан в процесс цифрового обсуждения политических проблем. Восходящая легитимация с опорой на стратегию эмпауэрмента – единственный амортизатор для современного режима в условиях цифровизации и рисков внешней делегитимации, угроз эффекта наложения внешней и внутренней делегитимации. Отказ от стратегии эмпауэрмента в современных условиях актуализации внешней легитимации чреват для режима безразличием масс к его судьбе. Следовательно, в эпоху цифровизации геополитических процессов власти

необходимо выстраивать разнообразные контуры обратной связи с гражданами, институты, способствующие участию граждан в управлении [14, с. 57]. Другими словами, в отсутствие внешнеполитических союзников режим может и должен опираться именно на своих граждан, но не за счет режима тотального информационного отгораживания от всего мира, а благодаря созданию разнообразных и удобных коммуникационных арен сетевого полиса, быстрой реакции на проблемы граждан посредством этих арен и развитию цифровой демократии.

Угрозы внешнеполитической делегитимации режима на фоне происходящей цифровизации купируются механизмом «частичной легитимации» – распространенной моделью полупризнания существующей власти [12, с. 66], использующей техники так называемых «моментальных массовых сделок» [23, с. 136-137] – достижения согласия с населением при условии вывода страны из любого опасного положения режимом. Российский режим (как и ряд других режимов), с одной стороны, сохраняет элементы плебисцитарности, когда предлагает гражданам оценивать, одобрять свой политический курс [9, с. 81] (в отношении изменения Конституции, трансформации важнейших политических институтов, внешней политики в отношении США, Украины, Турции и др.), с другой стороны, режим приобретает черты демократического цезаризма, сочетающего функционирование демократических институтов и сохранение важной роли института главы государства, имеющего исторические корни [17, с. 167]. Однако важной проблемой в этом плане является технологический перехлест – развитие технологической стороны легитимации режима, цифровизации его внешней и внутренней политики опережает развитие ценностной стороны легитимирующей формулы. Также цифровизация органов исполнительной власти опережает темпы цифровизации демократии, законодательной власти. Это закладывает определенные риски для использования режимом в будущем ресурсов восходящей легитимации на основе стратегии эмпауэрмента (особенно такие риски высоки в переходные периоды, время определения политического преемника и т.п.).

По мнению некоторых российских политологов, постсоветская Россия становится страной, все более непохожей на западные модели политических режимов, при этом имея европеизированное, индивидуализированное население, усвоившее ряд западных ценностей [9, с. 96]. А.С. Панарин также отмечал бремя «цивилизационной» раздвоенности русского человека, то сближающегося с Западом, то отдаляющегося от него [24, с. 97]. Пока эти вопросы ценностного и цифрового взаимоотношения разных в цивилизационном плане политических режимов недостаточно изучены. Вполне возможно, что накопление таких противоречий время от времени также служит двигателем цикличности, подмеченной Цымбурским.

Австралийский политолог Дж. Кин предупреждает, что феномен коммуникационного изобилия породил явление так называемой «трансграничной публики», апеллирующей к новым глобальным институтам. Такая «публика» способна вторгаться в суверенные дела современных государств и оказывать на элиту режимов информационное давление [10, с. 92-94]. Недавние события в Белоруссии (стране, находящейся в зоне Великого Лимитрофа) показали, какое значение могут иметь сетевые факторы эффекта наложения внешней и внутренней делегитимации режима [4]. Цифровизация вносит новую турбулентность в соотношения и противоречия Policy и Politics [42]. Все это в совокупности заставляет пересматривать прежние модели политической легитимации и находить новые соотношения ее внутренних, внешних, нисходящих и восходящих типов. Что особенно актуально в условиях цифровизации международных отношений и появления феномена цифрового суверенитета.

Выводы

Изучение концептуальных схем В.Л. Цымбурского позволяет сделать ряд выводов. Основные геополитические схемы политолога можно условно разделить на «островные» и «циклические». Особую нишу занимает схема «факт-признание». «Островные» схемы

(«Остров Россия», «Великий Лимитроф») логично адаптировать к анализу феномена цифрового суверенитета, связанного с закреплением «островных» признаков режима в информационном пространстве. «Островные» схемы сохраняют свое аналитическое значение и в отношении анализа информационного противоборства разных политических режимов, связанных с ними цифровых корпораций за массовое сознание в лимитрофных странах. «Циклические» схемы ученого могут быть полезны при выявлении корреляций кризисов легитимирующих формул с конституционными циклами и циклами внешнеполитической активности (причем, – не только политического режима России). Большой исследовательский потенциал приобретает изучение информационного империализма и феномена цифровой империи. Зонтичный, междисциплинарный характер имеет схема «факта-признания», по сути, связывающая анализ цифровизации международных отношений, суверенитета с теорией легитимации.

Цифровизация международных отношений в своей основе предполагает возникновение цифровых корпораций, связанных с политическими режимами и влияющих на десуверенизацию разных стран разными процессами – сетевыми эффектами, массовой цифровой аватаризацией, алгоритмизацией власти. Такая цифровизация привела к гипертрофированной роли внешней легитимации режима, «суверенитета признания» со стороны других режимов, ослабив значение «суверенитета факта» и снизив монополию внутренней легитимации. Используя модель А. Тойнби «вызова-и-ответа», можно обозначить, что в ответ на эти тренды некоторые политические режимы взяли курс на построение цифрового суверенитета, проведение цифровой дипломатии, конструирование собственных сетевых полисов и политических интерфейсов. Алгоритмизация власти открывает как преимущества, так и новые риски для политических режимов. Риски, в основном, режимы пытаются минимизировать, избегая тотальной алгоритмической зависимости от цифровых корпораций и внедряя свои техники шифрования политических, избирательных процессов (на базе блокчейн и т.п.) [2].

Таким образом, цифровизация международных отношений преобразила механизм легитимирующих формул. Теперь легитимность любого политического режима предполагает многоуровневую модель: технологическую легитимацию (приемы цифровых технологий управления повесткой, цифровой суверенитет), персональную легитимацию (фактор внутреннего и внешнего имидж-позиционирования режима посредством активности провластных политических лидеров, в том числе и в социальных сетях), институциональную легитимацию (формирование согласия между властью и гражданами с помощью институтов парламента, партий, главы государства), ценностную легитимацию (конструирование в стране согласия между населением и режимом символическими способами с опорой на ценностную и цивилизационную специфику страны). Важно обобщить существующие исследования [15] по теме кризиса власти, кризиса легитимирующих формул с современными фундаментальными разработками в области теории политической власти, ее новой алгоритмической, всепроникающей природе.

Существенной характеристикой цифровизации международных отношений является тренд алгоритмизации власти – во-первых, цифровые корпорации приносят в мир политики принципы цифрового контроля, отслеживания действий, активности граждан, во-вторых, политические режимы учатся этим приемам у цифровых корпораций, вводя алгоритмизацию в повседневную жизнь своих граждан через оцифровку всевозможных рейтингов, индексов, стандартов, KPI. Вполне возможно, что тема алгоритмизации власти и политики заставит серьезно скорректировать популярную в западной политологии теорию тоталитаризма, сместив исследовательский фокус в сторону анализа цифрового тоталитаризма [41] – рисков посредничества цифровых корпораций между гражданином и политическим режимом. Наибольшие риски цифровизации международных отношений видятся в бесконтрольной деятельности цифровых корпораций, способных ради увеличения прибыли вмешиваться в суверенные дела независимых государств. Вмешательство возможно не только в информационном, но и в финансовом плане. По этой причине элите важно задумываться о

поддержке своего собственного бизнеса, формирующего суверенную цифровую экосистему из сетевого полиса и политического интерфейса [1]. Скорее всего, дальнейшая цифровизация международных отношений приведет к эскалации информационных войн за массовое сознание лимитрофных государств (и не только лимитрофов России) между цифровой империей и ее противниками. Условием для таких цифровых дуэлей остается фактор мировоззренческих расколов, не исчезающих, как показывают последние исследования [39], даже после присоединения лимитрофных режимов к цивилизационным платформам.

Требуется подчеркнуть, что цифровизация политического пространства способствует трансформации прежних механизмов цикличности общественных процессов: если раньше российская элита могла пренебрегать фактором мнения граждан, то теперь во время «евразийской интермедии» ей уже не так просто апеллировать к традиционным ценностям, цивилизационной специфике страны, формировать «островное» сознание цифровыми приемами нисходящей легитимации.

Кроме функциональных уровней (ценностного, технологического, персонального, институционального), внешней и внутренней разновидности в политической легитимации важно различать нисходящую и восходящую формы. Цифровизация международных отношений также поколебала монополию нисходящей легитимации. Условия информационных, фейковых войн, вызовов цифровой дипломатии заставили элиты искать пути по налаживанию восходящей легитимации своих режимов, допуская элементы стратегии эмпауэрмента (привлечения граждан к обсуждению политических проблем посредством цифровых платформ).

Литература

1. *Алексеев Р.А., Дюдюн Т.Ю.* Государственная поддержка малого и среднего бизнеса в период пандемии COVID-19 (на примере Московской области) //Журнал политических исследований. – 2021. – Т.5. – №1. – С. 104-116. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-104-116.
2. *Алексеев Р.А.* Технология блокчейн на выборах: прошлое, настоящее и будущее //Журнал политических исследований. – 2020. – Т.4. – №4. – С. 25-38. - DOI: 10.12737/2587-6295-2020-25-38.
3. *Бойд-Барретт О.* Медиа-империализм. /Пер. с англ. – Х.: Гуманитарный центр. 2018. – 292 с.
4. *Бродовская Е.В., Никулин Е.Р., Давыдова М.А.* Массовые политические протесты в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: причины возникновения, социальная база, цифровая инфраструктура // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. – № 1. – С. 23-35. – DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-23-35.
5. *Быков А.Ю.* Информационная сущность геополитики //Космополис. – 2008. – №3(22). – С. 24-31.
6. *Володенков С.В.* Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности //Журнал политических исследований. – 2020. – Т.4. – №4. – С. 3-11. - DOI: 10.12737/2587-6295-2020-3-11.
7. *Завершинский К.Ф.* Легитимация политической власти: морфология научного дискурса //ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – 2016. – Т. 12. – №4. – С. 4-18.
8. *Ильин М.В.* Диалог об островах и проливах, междуморьях и междумирях //Тетради по консерватизму. – 2015. – №1. – С. 128-135.
9. *Иноземцев В.* Несовременная страна: Россия в мире XXI века. – Москва: Альпина Паблицер. 2019. – 404 с.
10. *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. /Пер. с англ. Д. Кралечкина. – Москва: Изд. дом ВШЭ. 2015. – 312 с.
11. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. /Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. – Москва: АСТ. 2018. – 512 с.
12. *Кравченко И.И.* Политика и сознание. – Москва: ИФ РАН. 2004. – 216 с.

13. *Локтионов М.В.* Модернистское и постмодернистское понимание власти //Философия и культура. – 2014. – №5 (77). – С. 704-710.
14. *Марков Б.В.* Понятие политического. – Москва: РОССПЭН. 2007. – 144 с.
15. *Маслов Д.В.* Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы, 1985-1991 гг: специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Москва, 2000. – 205 с.
16. *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. – Москва: РОССПЭН. 1997. – 650 с.
17. *Медушевский А.Н.* Размышления о современном российском конституционализме. – Москва: РОССПЭН. 2007. – 176 с.
18. *Межевич Н.М., Шамахов В.А.* Современность и традиция в российской геополитике (статья вторая) //Управленческое консультирование. – 2020. – № 2(134). – С. 10-15.
19. *Межуев Б.В.* Политическая критика Вадима Цымбурского. – Москва: Европа. 2012. – 199 с.
20. *Межуев Б.В.* "Остров Россия" и российская политика идентичности //Россия в глобальной политике. – 2017. – Т. 17. – №6. – С. 162-175.
21. *Морозов Е.* Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети. – Москва: АСТ, CORPUS. 2014. – 528 с.
22. *Морозов И.Л.* Теория сверхдлинных военных циклов В.Л. Цымбурского как инструмент современного геополитического анализа //Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24. – №5. – С. 268-280.
23. *Павловский Г.* Ироническая империя. Риск, шанс и догмы системы РФ. – Москва: Европа. 2019. – 384 с.
24. *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. – Москва: Эксмо, Алгоритм. 2004. – 640 с.
25. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики. – Москва: Алгоритм. 2015. – 216 с.
26. *Скиперских А.В.* Легитимация власти в теоретических построениях российского и зарубежного политологического дискурса //Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2007. – №8(39). – С. 136-144.
27. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – Москва: Ад Маргинем Пресс, Музей совр. иск. «Гараж». 2020. – 416 с.
28. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. /Пер. с нем. Л.В. Воропай. Москва: Праксис. 2010. – 264 с.
29. *Хатунцев С.В.* Вадим Цымбурский, русский геополитик //Тетради по консерватизму. – 2015. – № 1. – С. 157-167.
30. *Цыганков А.П.* "Островная" геополитика Вадима Цымбурского //Тетради по консерватизму. – 2015. – №1. – С. 12-20.
31. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Перспективы российской геополитики //Полис. Политические исследования. – 1993. – № 5. – С. 6-53.
32. *Цымбурский В.Л.* Идея суверенитета в посттоталитарном контексте //Полис. Политические исследования. – 1993. – №1. – С. 17-30.
33. *Цымбурский В.Л.* Сверхдлинные военные циклы и мировая политика //Полис. Политические исследования. – 1996. – № 3. – С. 27-55.
34. *Цымбурский В.Л.* «Европа-Россия»: «третья осень» системы цивилизаций //Полис. Политические исследования. – 1997. – № 2. – С. 56-76.
35. *Цымбурский В.Л.* Геополитика как мировидение и род занятий //Полис. Политические исследования. – 1999. – № 4. – С. 7-28.
36. *Цымбурский В.Л.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом. – Москва: Эдиториал УРСС. 2000. – 144 с.

37. *Цымбурский В.* Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. – Москва: Европа. 2011. – 372 с.
38. *Щербаков И.М.* Взгляд В.Л. Цымбурского на исторические и геополитические корни проблемы взаимодействия России и Европы //Полилог. – 2020. – Т. 4. – №3. – С. 7. - DOI: 10.18254/S258770110010906-8.
39. *Ярулин И.Ф., Поздняков Е.И.* Мировоззренческий раскол в Европе // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. – № 1. – С. 133-149. – DOI 10.12737/2587-6295-2021-5-1-133-149.
40. *Beetham D.* The Legitimation of Power. - Palgrave. 1991. - 267 p.
41. *Fedorchenko S., Karlyavina E.* Smart City: the arrival of a New Democracy or Digital Totalitarianism? //Журнал политических исследований. - 2021. - Т.5. - №1. - С. 3-22. - DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-3-22.
42. *Gel'man V.* Politics versus Policy: Technocratic Traps of Russia's Policy Reforms //Russian Politics. - 2018. - Vol. 3. - Iss. 2. - DOI: 10.1163/2451-8921-00302007.
43. *Haldenwang von Ch.* Measuring Legitimacy – New Trends, Old Shortcomings? - Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 2016. - 36 p.
44. *Innis H.A.* Empire & Communications. - Toronto: Dundurn Press. 2007. - 287 p.

References

1. Alekseev R.A., Dyudyun T.Yu. Gosudarstvennaya podderzhka malogo i srednego biznesa v period pandemii COVID-19 (na primere Moskovskoy oblasti) [State support for small and medium-sized businesses during the COVID-19 pandemic (on the example of the Moscow region)], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 1, pp. 104-116, DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-104-116. (In Russian).
2. Alekseev R.A. Tekhnologiya blokcheyn na vyborakh: proshloe, nastoyashchee i budushchee [Blockchain technology in elections: past, present and future], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2020, V. 4, I.4, pp. 25-38, DOI: 10.12737/2587-6295-2020-25-38. (In Russian).
3. Boyd-Barrett O. *Media-imperializm* [Media Imperialism], Transl. from English, Kh., Gumanitarnyy tsentr Publ., 2018, 292 p. (In Russian).
4. Brodovskaya E.V., Nikulin E.R., Davydova M.A. Massovye politicheskie protesty v Respublike Belarus' letom-osen'yu 2020 goda: prichiny vzniknoveniya, sotsial'naya baza, tsifrovaya infrastruktura [Mass political protests in the Republic of Belarus in the summer and autumn of 2020: causes of occurrence, social base, digital infrastructure], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 1, pp. 23-35, DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-23-35. (In Russian).
5. Bykov A.Yu. Informatsionnaya sushchnost' geopolitiki [Informational essence of geopolitics], *Kosmopolis* [Cosmopolis], 2008, I. 3(22), pp. 24-31. (In Russian).
6. Volodenkov S.V. Fenomen tsifrovogo suvereniteta sovremennogo gosudarstva v usloviyakh global'nykh tekhnologicheskikh transformatsiy: soderzhanie i osobennosti [The phenomenon of digital sovereignty of a modern state in the context of global technological transformations: content and features], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2020, V. 4, I. 4, pp. 3-11, DOI: 10.12737/2587-6295-2020-3-11. (In Russian).
7. Zavershinskiy K.F. Legitimatsiya politicheskoy vlasti: morfologiya nauchnogo diskursa [Legitimation of Political Power: Morphology of Scientific Discourse], *POLITEKS: Politicheskaya ekspertiza* [POLITEX: Political Expertise], 2016, V. 12, I. 4, pp. 4-18. (In Russian).
8. Il'in M.V. Dialog ob ostrovakh i prolivakh, mezhdumir'yakh i mezhdumir'yakh [Dialogue about islands and straits, inter-seas and inter-worlds]. *Tetrady po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2015, I. 1, pp. 128-135. (In Russian).
9. Inozemtsev V. *Nesovremennaya strana: Rossiya v mire XXI veka* [An unmodern country: Russia in the world of the XXI century], M., Al'pina Pabliisher Publ., 2019, 404 p. (In Russian).

10. Kin J. *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and Media Decadence], Transl. from English. M., Izd. dom VShE Publ., 2015, 312 p. (In Russian).
11. Kissinger G. *Mirovoy poryadok* [World Order]. Transl. from English, M., AST Publ., 2018, 512 p. (In Russian).
12. Kravchenko I.I. *Politika i soznanie* [Politics and Consciousness], M., IP RAS Publ., 2004, 216 p. (In Russian).
13. Loktionov M.V. Modernistskoe i postmodernistskoe ponimanie vlasti [Modernist and postmodernist understanding of power], *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2014, I. 5 (77), pp. 704-710. (In Russian).
14. Markov B.V. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political], M., ROSSPEN Publ., 2007, 144 p. (In Russian).
15. Maslov D.V. *Narastanie krizisa sovetskoy partiyno-gosudarstvennoy sistemy, 1985-1991 gg: spetsial'nost' 07.00.02 "Otechestvennaya istoriya": dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The growing crisis of the Soviet party-state system, 1985-1991: specialty 07.00.02 "Domestic history": dissertation for the degree of candidate of historical sciences], M., 2000, 205 p. (In Russian).
16. Medushevskiy A.N. *Demokratiya i avtoritarizm: Rossiyskiy konstitutsionalizm v sravnitel'noy perspective* [Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism in a Comparative Perspective], M., ROSSPEN Publ., 1997, 650 p. (In Russian).
17. Medushevskiy A.N. *Razmyshleniya o sovremennom rossiyskom konstitutsionalizme* [Reflections on contemporary Russian constitutionalism], M., ROSSPEN Publ., 2007, 176 p. (In Russian).
18. Mezhevich N.M., Shamakhov V.A. *Sovremennost' i traditsiya v rossiyskoy geopolitike (stat'ya vtoraya)* [Modernity and Tradition in Russian Geopolitics (Article Two)], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2020, I. 2(134), pp. 10-15. (In Russian).
19. Mezhuev B.V. *Politicheskaya kritika Vadima Tsymburskogo* [Political criticism of Vadim Tsymbursky], M., Evropa Publ., 2012, 199 s. (In Russian).
20. Mezhuev B.V. *"Ostrov Rossiya" i rossiyskaya politika identichnosti* ["The Island of Russia" and Russian Identity Policy], *Rossiya v global'noy politike* [Russia in Global Affairs], 2017, V. 17, I. 6, pp. 162-175. (In Russian).
21. Morozov E. *Internet kak illyuziya. Obratnaya storona Seti* [Internet as an illusion. The reverse side of the Web], M., AST, CORPUS Publ., 2014, 528 p. (In Russian).
22. Morozov I.L. *Teoriya sverkhdlinnykh voennykh tsiklov V.L. Tsymburskogo kak instrument sovremennogo geopoliticheskogo analiza* [The theory of super-long military cycles V.L. Tsymbursky as a tool of modern geopolitical analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships], 2019, V. 24, I. 5, pp. 268-280. (In Russian).
23. Pavlovskiy G. *Ironicheskaya imperiya. Risk, shans i dogmy sistemy RF* [Ironic Empire. Risk, chance and dogmas of the RF system], M., Evropa Publ., 2019, 384 p. (In Russian).
24. Panarin A.S. *Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke* [Strategic instability in the 21st century], M., Eksmo, Algoritm Publ., 2004, 640 p. (In Russian).
25. Pocheptsov G.G. *Informatsionnye voyny. Novyy instrument politiki* [Information wars. New policy tool], M., Algoritm Publ., 2015, 216 p. (In Russian).
26. Skiperskikh A.V. *Legitimatsiya vlasti v teoreticheskikh postroeniyakh rossiyskogo i zarubezhnogo politologicheskogo diskursa* [Legitimation of power in the theoretical constructions of Russian and foreign political science discourse], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Computer science], 2007, I. 8(39), pp. 136-144. (In Russian).
27. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of a Prison], M., Ad Marginem Press, Muzei sovr. issk. «Garazh» Publ., 2020, 416 p. (In Russian).

28. Habermas Yu. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [The problem of legitimation of late capitalism], /Transl. from german, M., Praksis Publ., 2010, 264 p. (In Russian).
29. Khatuntsev S.V. Vadim Tsymburskiy, russkiy geopolitik [Vadim Tsymbursky, Russian geopolitician], *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2015, I. 1, pp. 157-167. (In Russian).
30. Tsygankov A.P. "Ostrov'naya" geopolitika Vadima Tsymburskogo ["Island" geopolitics of Vadim Tsymbursky], *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2015, I. 1, pp. 12-20. (In Russian).
31. Tsymbursky V.L. Ostrov Rossiya. Perspektivy rossiyskoy geopolitiki [Island Russia. Prospects for Russian geopolitics], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1993, I. 5, pp. 6-53. (In Russian).
32. Tsymbursky V.L. Ideya suvereniteta v posttotalitarnom kontekste [The idea of sovereignty in a post-totalitarian context], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1993, I. 1, pp. 17-30. (In Russian).
33. Tsymbursky V.L. Sverkhdlinnye voennye tsikly i mirovaya politika [Super-long military cycles and world politics], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1996, I. 3, pp. 27-55. (In Russian).
34. Tsymbursky V.L. «Evropa-Rossiya»: «tret'ya osen'» sistemy tsivilizatsiy ["Europe-Russia": "third autumn" of the system of civilizations], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1997, I. 2, pp. 56-76. (In Russian).
35. Tsymbursky V.L. Geopolitics as a worldview and occupation [Geopolitika kak mirovidenie i rod zanyatiy], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1999, I. 4, pp. 7-28. (In Russian).
36. Tsymbursky V.L. *Rossiya – Zemlya za Velikim Limitrofom* [Russia is the Land beyond the Great Limitrof]. M., Editorial URSS Publ., 2000, 144 p. (In Russian).
37. Tsymburskiy V. *Kon'yunktury Zemli i Vremeni. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie intellektual'nye rassledovaniya* [Conjuncture of the Earth and Time. Geopolitical and Chronopolitical Intelligence Investigations], M., Evropa Publ., 2011, 372 p. (In Russian).
38. Shcherbakov I.M. Vzgl'yad V.L. Tsymburskogo na istoricheskie i geopoliticheskie korni problemy vzaimodeystviya Rossii i Evropy [Shcherbakov I.M. V.L. Tsymbursky view on the historical and geopolitical roots of the problem of interaction between Russia and Europe], *Polilog* [Polylog], 2020, V. 4, I. 3, pp. 7, DOI: 10.18254/S258770110010906-8. (In Russian).
39. Yarulin I.F., Pozdnyakov E.I. Mirovozzrencheskiy raskol v Evrope [World outlook split in Europe], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 1, pp. 133-149, DOI 10.12737/2587-6295-2021-5-1-133-149. (In Russian).
40. Beetham D. *The Legitimation of Power*, Palgrave Publ., 1991, 267 p.
41. Fedorchenko S., Karlyavina E. Smart City: the arrival of a New Democracy or Digital Totalitarianism? *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 1, pp. 3-22, DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-3-22.
42. Gel'man V. Politics versus Policy: Technocratic Traps of Russia's Policy Reforms, *Russian Politics*. 2018, V. 3, I. 2, DOI: 10.1163/2451-8921-00302007.
43. Haldenwang von Ch. *Measuring Legitimacy – New Trends, Old Shortcomings?* Bonn, Deutsches Institut für Entwicklungspolitik Publ., 2016, 36 p.
44. Innis H.A. *Empire & Communications*, Toronto, Dundurn Press Publ., 2007, 287 p.